

2012

Болото в молчании, или пути развития тезауруса учащихся при обучении русскому языку на продвинутом уровне

Дарья Колесова

Follow this and additional works at: <https://scholarsarchive.byu.edu/rlj>

Part of the [Slavic Languages and Societies Commons](#)

Recommended Citation

Колесова, Дарья (2012) "Болото в молчании, или пути развития тезауруса учащихся при обучении русскому языку на продвинутом уровне," *Russian Language Journal*: Vol. 62: Iss. 1, Article 3.

Available at: <https://scholarsarchive.byu.edu/rlj/vol62/iss1/3>

This Article is brought to you for free and open access by the Journals at BYU ScholarsArchive. It has been accepted for inclusion in Russian Language Journal by an authorized editor of BYU ScholarsArchive. For more information, please contact ellen_amatangelo@byu.edu.

Болото в молчании, или пути развития тезауруса учащихся при обучении русскому языку на продвинутом уровне

Дарья Колесова

«*«Болотная революция» - именно так я называю то, что произошло сегодня. И сразу хочу сказать, что ничего обидного в названии нет – ведь самая крупная, самая цивилизованная акция гражданского протеста произошла на Болотной площади, и мы хотим вырваться из болота вранья.»* (В.Ерофеев. Аргументы и Факты, 10.12.2011)

Как понять эту фразу человеку, давно и эффективно изучающему русский язык? Да, он знает, что такое болото - это то, о чем можно сказать *swamp, marsh, bog, muskeg*. Но почему это название может показаться русскому человеку обидным? Из какого именно болота хочет вырваться автор и та группа людей, с которыми он себя объединяет?

Обращение к этимологическому словарю дает некоторую информацию: болото – это русская форма при старославянском варианте *блато* 'топь, грязь', обе формы образовались из общеславянского слова, которое восстанавливают как **bolto* в знач. 'белый' (по белому цвету мхов) (Фасмер). Видимо, для русского человека болото в первую очередь вызывает воспоминание о топкой грязи, но если подумать и кое-что припомнить, то могут вспомниться и белые мхи.

С другой стороны, словари эпитетов дают довольно много определений, которые традиционно связываются с болотом: оно может быть *гнилое, житейское, замшелое, засасывающее, застоявшееся, зыбкое, лесное, мещанское, обывательское, провинциальное, русское, стоячее, топкое* (перечень словарей см. ниже). К уже известной причине неприязни к болоту (оно пачкает и не является надежной опорой для ноги человека) добавляются новые основания (оно дурно пахнет, оно может поглощать, оно очень консервативно и потому связывается с мещанством и обывателем (а обыватель, ведущий мещанский образ жизни, в русской культуре традиционно подлежит осуждению). Закономерным развитием этой тенденции

становится значение слова, которое мы находим в современных словарях: 'обстановка застоя'.

Русские фразеологизмы помогают увидеть еще некоторые оттенки смысла. Болото – место обитания страшных сил, грозящих человеку («*Было бы болото, а черти будут*»), потому нельзя жить рядом с болотом («*В болоте тихо, да жить там лихо*»), зато болото – отличное место, куда можно отправлять в наказание за проступки («*ну его в болото*»). Несмотря на непривлекательные для большинства людей свойства, болото может казаться милым местом тому, для кого является родным, и потому «*Всяк кулик свое болото хвалит*»; более того, есть такие оригиналы, для которых именно болото может создавать атмосферу, необходимую для созидательного творчества («*В своем болоте всякая лягушка поет*»).

Однако пословицы создавались давно и могут не совсем верно отражать народную ментальность на современном этапе. Посмотрим, что пишут о болотах более близкие нам во времени русские люди, которым принято доверять.

- *Ленивый человек в беспечном покое сходен с неподвижною болотною водою, которая кроме смраду и презренных гадин ничего не производит* (М.Ломоносов). Оказывается, болото может быть и агрессивным, опасность может распространяться вокруг него, а не только подстергать неосмотрительного человека, забредшего на трясину.

- *Вон из этой ямы, из болота, на свет, на простор, где есть нормальная здоровая жизнь! – настаивал Штольц строго, почти повелительно* (И.Гончаров). Болото связывается с тьмой, ограничением свободы и с болезнью, потому человеку надлежит вырываться из его объятий.

— *И то грязно было, а теперь (после дождя) совсем болото будет* (Л.Толстой). Разумеется, в болоте грязно.

— *Наше русское болото, из которого сочатся хрустальные родники. На Западе – искусственные, зарегулированные хранилища. В них можно только разводиться, само в них не произрастает. Вытекать из них ничего не может – это было бы нарушением технических правил их существования* (В.Гаврилин). Композитор напоминает, что при всем ощущении страха и гадливости, которое испытывает человек при воспоминании о болоте, не пропадает и сема 'животворность', которая вступает в противоречие с обывательской трясинной, однако

понятна при сопоставлении с жижей (внешне неприглядная, но живительная жидкость). Между прочим, эта часть концепта неожиданно обрела актуальность после гигантских пожаров в Центральной России, которые происходили летом 2010 и в меньшей степени летом 2011 года. Тогда экологи, геологи, агрономы и просто равнодушные люди говорили о том, что причиной трагедии стало осушение болот. Во всех СМИ говорилось о том, что болото как уникальный биоценоз необходимо всячески охранять и поддерживать, поскольку благодаря этим землям человек в этих регионах живет в большей безопасности. — *Теперь ничего нельзя было разобрать. И справа и слева туман стоял сплошными белыми мягкими пеленами. [Он] у себя на лице чувствовал его влажное и липкое прикосновение. ... Дороги не было видно, но по сторонам от нее чувствовалось болото. Из него подымался тяжелый запах гнилых водорослей и сырых грибов. Почва плотины пружинилась и дрожала под ногами, и при каждом шаге где-то сбоку и внизу раздавалось жирное хлюпанье просачивающейся тины... Какая загадочная, невероятная жизнь копошилась по ночам в этом огромном, густом, местами бездонном болоте? Какие уродливые гады извивались и ползали в нем между мокрым камышом и корявыми кустами вербы?* (И.Куприн). Болото – само живой организм, и оно же – место обитания загадочных, таинственных и пугающих существ.

– *Когда в 17 году Ленин, приехав в Россию, опубликовал свои "тезисы", я подумал, что этими тезисами он приносит всю ничтожную количественно, героическую качественно рать политически воспитанных рабочих и всю искренно революционную интеллигенцию в жертву русскому крестьянству. Эта единственная в России активная сила будет брошена, как горсть соли, в пресное болото деревни и бесследно растворится, ничего не изменив в духе, быте, в истории русского народа»* (М. Горький). Мы полагаем, что А.Пешков осознанно использует евангельскую аллюзию («Вы – соль земли...», Евангелия от Матфея, 5:13-16). Тогда болото здесь противопоставлено земле как плодородной почве; это болото пресное (т.е. не имеет собственного вкуса) и не является средой возникновения чего-либо нового, активного и прогрессивного. Болото – гипероним косности, консерватизма, отсутствия творческого начала; оно самодостаточно и держится устоев.

– *По последним материалам, имеющимся в руке областного комитета, – значилось в конце директивы, – видно, например, что актив*

колхоза имени Генеральной Линии уже забежал в левацкое болото правого оппортунизма. Организатор местного коллектива спрашивает выше-находящуюся организацию: есть ли что после колхоза и коммуны более высшее и более светлое, дабы немедленно двинуть туда местные бедняцко-средняцкие массы, неудержимо рвущиеся в даль истории, на вершину всемирных невидимых времен (А.Платонов). Разумеется, мы имеем дело с саркастической пародией на стилистику партийных директив начала 1930-х годов, однако нам кажется показательным использование в этой метафоре интересующего нас концепта. Видимо, можно говорить об актуализации сем 'опасное место', 'затягивает, не отпускает', 'ведет к гибели'. Кроме того, цитаты М.Горького и А.Платонова напоминают нам о таком устойчивом словосочетании 20-х гг. XX в., как «мещанское болото» - о нем отзывались презрительно В.Маяковский и его сподвижники, о его жителях сатирически писал М.Зощенко (правда, его собственное отношение к мещанам не так однозначно).

— Мы утопаем потому, что почва, на которой мы пытались стоять, оказалась зыбким, засасывающим болотом, а мы ищем твердой земли под ногами. Мы не можем опереться ни на какие «идеалы», потому что они оказались призраками (С.Франк). При всей животворности болото не дает основания, оно ненадежно и порождает миражи, как указывает нам философ.

— Болото это максимальное падение материи – первородная грязь, из которой произошло всё сущее... Болото, с одной стороны, максимальная степень материального запустения, а с другой – максимально наглядный и удобный материал для утопии, для идеализации, улучшения, мелиорации... Вообще на болото проецировался образ «старого мира», погрязшего в грехе и обреченного на уничтожение (болота ведь осушаются)... (Д.Галковский). Новым оттенком смысла в этих фразах современного публициста и писателя кажется представление о том, что болото – это место, которое человек не подчиняет своим целям (и потому оно пребывает в запустении и до сих пор, несмотря на успехи цивилизации, живительно).

Соберем признаки в единое описание и вербализуем соответствующий концепт (1). БОЛОТО – символ внешнего покоя, таящего опасность гибели. Видимость болота – неподвижность и тишина – обманчива: трясина и топь губительны для человека своим постепенным (болото затягивает) или неожиданным (провалиться в

болото) действием. Болото вызывает неприятие физиологическое (как к вязкому и зыбкому) и нравственное (как к ненадежному и скрытно предательскому), и только в постоянных его жителях привязанность к родному болоту достигает глубины апологетического поклонения. Расширение понятия: 'топкое низкое место со стоячей водой' (природный уровень) > 'грязь' (моральный уровень, ср. «плескали на него болото») > 'застой, косность, отсутствие живой деятельности' (социальный уровень). Вместе с тем страх, который испытывает человек к болоту, сдерживает активность человека, поэтому именно на болоте остаются загадочные островки древней жизни.

Теперь можно вернуться к цитате В.Ерофеева, и его мысль станет понятной. Однако, может быть, только такие образные символы, как болото, требуют некоторого обращения к национальной ментальности для понимания контекста своего использования?

Возьмем такое слово, которое обозначает нечто, что, в общем, понятно представителям любой ментальности, - например, молчание. Понятно, что подразумевается отсутствие речи в тот момент, когда эта речь могла бы звучать. Но почему при возникновении неожиданной паузы в разговоре русский человек неминуемо скажет (хотя и будет при этом смущенно и виновато улыбаться): "А, милиционер родился"? Учитывая представление о бытовом отношении к милиционерам, можно подумать, что пауза в беседе (т.е. молчание) - нечто дурное и вызывающее негативные эмоции. Однако те же русские люди в другой ситуации скажут, что *молчание - золото* (а особо образованные могут добавить, что слово - лишь серебро). Отлично, думает носитель английского языка, мы так тоже думаем и говорим. Однако как можно совместить эти представления?

Допустим, мы читаем текст замечательного мыслителя XX века М.Пришвина, а в этом тексте обращаем внимание на такую фразу: «*Вы спрашиваете меня, и я отвечаю вам молчанием, потому что мое да и мое нет будут одинаково ложны. Всякий, кто говорит – подвирает, только молчание и дело: правда*». Ладно, думает читатель, это согласуется с пословицей о драгоценном металле, и особенно это понятно по отношению к тексту, написанному в середине XX века в СССР. Но следующий текст, который попадает нам в руки,

принадлежит еще одному уважаемому интеллигенту XX века (правда, другой его половины) - Д.Гранину. И вот мы читаем: *"Молчание – самая удобная форма лжи. Оно умеет ладить с совестью, оно оставляет лукавое право хранить собственное мнение и, возможно, когда-то сказать его. Только не сейчас"*. Нашему читателю, который является человеком пытливым и любознательным, но не лишенным стремления к последовательности и логичности мышления, остается лишь успокаивать себя мыслью об известной противоречивости и принципиальной непостижимости русской души. Но нужно ли останавливаться на этом признании не-возможности понять?

Как обычно, многое покажут нам словари эпитетов. Молчание может быть *бессовестное, благоговейное, благосклонное, величавое, всеобщее, глубокое, гневливое, гнетущее, гордое, гробовое, грозное, грозное, давящее, долгое, жуткое, задумчивое, затянувшееся, короткое, красноречивое, кроткое, мертвое, минутное, мрачное, мучительное, напряженное, натянутое, неловкое, оцепенелое, полнейшее, полное, продолжительное, совершенное, сосредоточенное, странное, строгое, стыдли-вое, суровое, томительное, торжественное, трусливое, тягостное, тяжелое, угрюмое, унылое, упорное, холодное, чопорное*. В общем, можно сказать, что с помощью молчания русский человек может передать любое чувство, описать любую ситуацию, дать характеристику любой черте личности. Значит, дело не в самом факте отсутствия речи.

Современные значения немного добавляют к уже сказанному: молчание - это *'неразговорчивость', 'понимание без слов', 'неоглашаемость звуками'*. Однако заметим, что здесь, как и в ситуации с постоянными эпитетами, становится понятно, что русский человек интерпретирует молчание как значащий сигнал. Молчание не показывает отсутствия мысли или слов как таковых. Слов не слышно, однако внутренняя речь продолжает формировать мысли. С другой стороны, исторические словари напоминают о древнейших значениях: от общеславянского *мълчати 'слабо (говорить)'* через древнерусское *'безмолвие'* (1076), к значению *'спокойствие, тишина'* (XI в.). Значит, исконно концепт отражал представление об отсутствии звуков и о возникающем по этой причине спокойствии.

Попробуем соединить различные идеи о том, что возникает в сознании русского человека, когда он слышит или произносит слово "молчание".

Молчание – безмолвие или отсутствие голоса, слов и речей как особый ответ на вызов или в момент постижения глубокого осмысления сказанного, сути. Молчание подразумевает прекращение публичных высказываний, чтобы не волновать, не тревожить, не нарушать тишину – (т.е. быть молчаливым) или для передачи особых сведений ("знак согласия", что мы видим как в общепринятом способе выражения почтения и скорби "минута молчания", так и в общероссийском высказывании "милиционер родился"). В отличие от тишины молчание возможно лишь в том случае, если субъект может говорить; в отличие от безмолвия молчание не обязательно несет признаки величия, так что молчуном может быть любой человек, а не только сильные мира сего. Молчание необходимо как для рождения нового (тогда оно задумчивое), так и в присутствии смерти (тогда оно гробовое); оно передает разнообразные чувства субъекта (благоговейное, грозное, мучительное и т.д.) и по-разному характеризует того, кто молчит (гордое, строгое, стыдливое и т.д.), так что невозможно правильно понять молчания, не владея знанием о ситуации. В любом случае традиционно умение молчать оценивается очень высоко («Молчание – золото»), связывается с мудростью, зрелостью (обет молчания - один из самых трудновыполнимых, однако традиционно считается одним из прямых способов приближения к Богу) и силой человека.

Теперь понаблюдаем за размышлениями о молчании признанных экспертов - писателей и мыслителей.

- Не потому молчание приравнивается к злату, чтоб оно представляло невесть какую драгоценность, а потому что при известных условиях другого, более правильного, выхода нет... Молчание – вот единственный ясный результат, который покуда выработала наша так называемая талантливость... М.Салтыков-Щедрин описывает реакционное общество конца XIX века, а кажется, что речь идет о правильном поведении мыслящего человека при развитии социализме. Потому и следующая фраза писателя не устарела до сих пор: "Мы оба молчали. На этот раз, впрочем, молчание было содержательнее, нежели самый содержательный разговор". Мы еще раз убеждаемся, что молчание не означает, что нет идей, смысла и

содержания. Суть есть, она просто выражается внесловесно. — "Но что такое общество? То ли, что говорит и голосит в собраниях и в печати, или же то, что молчит? За кем действительная и окончательная сила?.. И в самом деле, не у тех ли разгадка вопросов, кто в настоящую минуту молчит?" (И.Аксаков). И.Аксаков подхватывает тему разделения общества на говорящих и молчащих, причем ближе к истине (к разгадке) оказываются молчуны.

- На свете есть творческое молчание, святая тишина, в которой рождается истинное слово; божественная наполненность, которая бесшумно ведет себя вовне; обращенное в себя созерцание, в котором возникают слова, подобные деянию, и деяния без слов. В таком молчании мы дадим нашим словам исцелиться (И.Ильин). Философ напоминает нам о том, что наше бесконечное словоблудие и словоизвержение не позволяет вдохновению снизойти в наше сознание. Человек творит, когда сам он (его плоть, его самолюбие) молчит.

— Молчание – искусство не давать представлению переходить в движение органов, с которыми оно связано, - искусство, приобретаемое современным человеком довольно поздно и совсем незаметное в детях.... Без сомнения, молчать понимая труднее, чем давать вольный выход движению своей мысли. Так дети и вообще малограмотные люди не могут читать про себя (А.Потебня). Осмысление процесса молчания с точки зрения психолингвистики, предложенное авторитетом в области поиска соответствий между языком и мыслью, кажется очень важным.

— Молчание – необходимый фон слова... Текст соткан утком слова по основе молчания ... Люди предпочитают пользоваться неопределенным говорением как прикрытием для глубокого молчания ... Молчание представляется спасительным. Молчанию трудно остаться тишиной. Оно в любом случае говорит. Вызывающее молчание громче крика. Затянувшееся молчание неизбежно будет подвергнуто истолкованию ... Человеку, не давшему себе труда высказывания, грозит заговорить чужим голосом... О чем молчат, того как бы нет. Молчание в нашем теперешнем представлении – это отсутствие сообщения... Молчание говорит без слов (В.Бибихин). Филолог и философ В.В.Бибихин размышляет о парадоксе, заключенном в концепте молчание. Здесь формулируются важные мысли; к уже упомянутому выше добавляется: желание людей не показывать сути (которая сохраняет молчание), которое выплескивается в болтовню; опасность, которая

подстерегает тех, кто слишком погружается в молчание и уже не может обрести собственного голоса и быть услышанным.

— *Обеднела психика современного человека, потому что нет уединения, нет молчания в мире, есть суета и прыготня, погоня за скоростью и за мелкими раздражениями нервной системы* (Л.Сабанеев). Музыковед и композитор, а по совместительству профессиональный математик и зоолог указывает на связь молчания и психического здоровья, на зависимость способности к глубине мышления и творчества от способности к уединению и молчанию.

— *Тишина и молчание (отсутствие слова)... нарушение молчания словом персоналистично и осмысленно: это совсем другой мир. В тишине ничто не звучит (или нечто не звучит) – в молчании никто не говорит (или некто не говорит). Молчание возможно только в человеческом мире (и только для человека). Конечно, тишина и молчание всегда относительноны* (М.Бахтин). Создатель теории полифонизма прекрасно понимал значимость молчания. К этому добавляется идея, до сих пор не прозвучавшая: молчит лишь человек и то, чему человек внимает. Кроме того, М.Бахтин замечал, что возможна "*...ирония как особая форма молчания*".

Тема о молчании не-человека развивается у В.Розанова: "[Они] уважали животных за молчание: «черт их знает, о чем думают: может быть, еще мудрее Пифагора». Молчание всегда заинтересовывает". Замечание мыслителя при всей своей ироничности показывает возможность интерпретировать отсутствие речи как наполненное внутренним смыслом сообщение.

Как хорошо молчать. И как это легко (Л.Толстой). Удивительно, что легко было молчать автору таких объемных романов, в то время как женщинам, обретшим голос после долгих веков безмолвия, молчание давалось с трудом: "Я научила женщин говорить.., Но, Боже, как их замолчать заставить!" (А.Ахматова). Наступает новый период российской истории, мы возвращаемся к социальному звучанию молчания, о котором писал М.Салтыков-Щедрин: "*Потом наступает молчание Исподволь, неспроста. Молчание не отчаянье, Оно тяжелей Креста*" (О.Берггольц).

Мы проследили, как в произведениях российских писателей и мыслителей разных эпох отражаются их размышления о феномене молчания. Некоторые мысли могут показаться неожиданными и оригинальными, другие воплощают в словах

представления, которые и до знакомства с этими фразами были у читателя. Однако самое известное в русской словесности высказывание на интересующую нас тему принадлежит перу Ф.Тютчева:

SILENTIUM!

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои -
Пусть в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи,-
Любуясь ими - и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь?
Мысль изречённая есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи,-
Питайся ими - и молчи.

Лишь жить в себе самом умей -
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи,-
Внимай их пенью - и молчи!..

После этого высказывания, кажется, уже невозможно ничего добавить к описанию концепта "молчание" в русской ментальности. Хочется лишь посоветовать читателю сопоставить те рекомендации, которые дает Ф.Тютчев, с дефинициями, в которых мы пытались описать концепт с позиции когнитивной лингвистики.

Таким образом, мы обратились к двум словам русского языка, лексическое значение которых понятно нашему студенту, при этом ему не очень ясны культурные коннотации и смысловое наполнение соответствующих концептов. Русский человек, слышащий/читающий фразы с этими словами, так или иначе, сознательно или бессознательно, соотносит актуальные контексты с предшествующим знанием (о пословицах, о эпитетах, о внутренней форме слов, о

прецедентных феноменах, об образцовых текстах и т.д.), что помогает ему понять нюансы и увидеть глубину высказывания. С другой стороны, употребляя слово в своей речи, русский человек указывает своему собеседнику на широкое поле ассоциаций, коннотаций, мифологических и национально-характерных представлений, которое тянется от слова. Мы и сегодня часто общаемся, не столько имея в виду конкретное лексическое значение слова, сколько намекая на ту или иную ипостась концепта (пример подобного высказывания приведен в самом начале статьи; показательно, что и спустя 6 месяцев после первых событий на Болотной площади в Москве политики, журналисты и активные граждане продолжают пользоваться емким концептом: "*Следователи болотного следствия тонут в политическом болоте*" 22.06. 2012 «Аргументы.ру»). Словари же предлагают нашему студенту информацию в основном о лексическом плане содержания. Итог не всегда удовлетворяет преподавателя и ученика: иностранец может свободно использовать разнообразные лексические единицы и корректно применять существующие грамматические правила, однако его русский собеседник воспринимает из его речи вовсе не то, что говорящий хотел ему передать (и, соответственно, интерпретирует услышанное не так, как предполагает говорящий). Для преодоления этой проблемы хочется напомнить о том, что при работе со студентами, изучающими русский язык на продвинутом уровне, важно не только расширять их лексический запас и совершенствовать их умения в области функциональной стилистики, но и углублять знания, связанные с давно известными словами. Размышление над подобранным преподавателем материалом (данными словарей или различными цитатами, авторы которых используют интересующее нас слово) - хороший путь для развития тезауруса учащихся, находящихся на продвинутом этапе обучения языку. Такой путь обеспечивает замечательный итог: студент знакомится с конкретными национальными концептами и постепенно овладевает способами постижения других концептов, которые по той или иной причине могут привлечь его внимание.

Примечание.

(1) В данной статье мы опираемся на определение концепта, предложенное проф. В.В.Колесовым: "Концептом называют обычно

понятие, и внешне это верно, поскольку латинское слово *conceptus* и есть 'понятие'. Но в том же латинском языке есть и слово *conceptum*, которое значит 'зерно', - своего рода росток первообраза, первосмысл, то, что впоследствии способно прорасти и словом, и делом. Вот в этом смысле слово концепт мы и станем употреблять" (Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. - с. 24). Таким образом, концепт можно определить как минимальный квант смысла – единицу сознания, не обретшую своей формы. Концептум – не понятие, а сущность понятия, смысл. Концепт не имеет формы, ибо он сам и есть «форма форм» слова, но данная вне материи речи. Методика вербализации концепта описана в упомянутой выше монографии, а также в других работах ученого (см., например: Философия русского слова. СПб, 2002; Реализм и номинализм в русской философии языка. СПб, 2007; а также находящийся в предпечатной подготовке коллективный труд "Словарь русской ментальности").

Справочные материалы:

Этимологические словари:

Словарь М.Фасмера: <http://vasmer.narod.ru/> или

<http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer>

Электронный словарь: <http://glossword.info/index.php/index/7-russkij-etimologicheskij-slovar-.xhtml>

Словари эпитетов:

<http://www.slovopedia.com/24/192-0.html>;

http://mirslovari.com/epitet_a

Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка.

СПб., 2001

Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля:

<http://slovardalja.net/>, а также <http://boloto.info/dict.php?dic=2>